УДК 821.161.1 "19"09-1+929 [А.Блок]

Образ России как «новой Америки» в творчестве А. Блока

Н. Э. МАРЦИНКЕВИЧ

Осмысляя место России в дихотомии «Восток – Запад», Блок не относит Россию исключительно к Востоку или Западу – у России есть свой особый путь, особое призвание. Признание этого «особого пути» есть, напр., в дневниковой записи Блока от 22 декабря 1911 г.: «С Пястом говорили до 3-х часов. <...> О “России” (разговор Пяста с Адриановым обо мне и др. *Будто мы* силится навязать России то, что для нас стало прошлым и не нужным – это Куликово поле! Пяст соглашался с Адриановым...). <...> Мое: с запада и с востока блаженство – там не пути, но разветвления наших путей. С запада – горький запах миндаля, с востока – блаженный запах дыма и гари. Слишком большие уклонения, извивы пути (всепонимание, вселюбовь) создают холодный ужас (Баратынский, Тютчев), безумие (иногда до сумасшествия)» [1, с. 104]. И вместе с тем в творчестве Блока при неизменном сохранении памяти о «своем» пути можно обнаружить «уклонения» как в сторону Востока, так и в сторону Запада. В революционное время Блок противопоставляет «старому, дряхлому миру» Европы новую Россию, и в «Скифах» эта Россия имеет отчетливые «скифские» черты. У Блока есть еще один метафорический образ России будущего, в котором содержится национальный компонент, – это «новая Америка», т.е. образ, созданный хоть и по западной, но все же не европейской модели. Блок никогда не был в Америке, и его представление об этой стране сформировалось под влиянием разнообразных литературных источников и культурных стереотипов. В XIX в. в России была популярна книга французского историка и социолога А. де Токвиля «О демократии в Америке» (1835), в которой беспристрастно описываются позитивные и негативные стороны американской демократии и проводятся параллели между Америкой и Россией – «двумя юными гигантами». На эту книгу отозвались Пушкин (статья «Джон Теннер», 1836), Белинский, Герцен. Возможным ближайшим источником блоковского образа «новой Америки» может быть и «Краткая повесть об антихристе» Соловьева, в которой говорится об европейских соединенных штатах, образовавшихся после пришествия антихриста с целью его свержения. В русской культуре Америка всегда воспринималась двояко: или как двойник России, или же как ее полный антипод. В позитивном плане Америка – страна романтической мечты, осуществленной утопии, рая на земле; в негативном – страна бездушного капитала, урбанистической, машинной цивилизации. Сходство же России и Америки виделось и в ландшафте (огромные равнинные пространства), и в двойственном положении по отношению к Европе, и в имперском мышлении.

Образ «новой Америки» впервые появляется у Блока в 1913 г. в одноименном стихотворении из цикла «Родина»: «На пустынном просторе, на диком / Ты все та, что была, и не та, / Новым ты обернулась мне ликом, / И другая волнует мечта... /.../ Уголь стонет, и соль забелелась, / И железная воет руда... / То над степью пустой загорелась / Мне Америки новой звезда!» («Новая Америка», III, с. 269; первоначальное название – «Россия»). Блок обращался к этому образу и в революционное время, и после революции. В марте 1917 г., вернувшись с фронта в Петроград, Блок пишет матери о своих впечатлениях от революционной России: «Минуты, разумеется, очень опасные, но опасность, если она и предстоит, *освещена*, чего давно не было, на нашей жизни, пожалуй, ни разу. Все бесчисленные опасности, которые вставали перед нами, терялись в демоническом мраке. Для меня мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка). Все мои пока немногочисленные дорожные впечатления от нового строя – самые лучшие, думаю, что все мы скоро привыкнем к тому, что нас чуть-чуть “шокирует”» (VIII, с. 479). Блок хочет видеть идеальную будущую Россию демократическим государством, и американская модель – уста-

новление демократии путем мирной революции – одна из возможных моделей развития России. В 1919 г. в предисловии к поэме «Возмездие» Блок снова возвращается к образу «новой Америки»: «Путем катастроф и падений мои “Rougon-Macquar’ы” постепенно освобождаются от русско-дворянского *éducation sentimentale*, “уголь превращается в алмаз”, Россия – в новую Америку; в новую, а не в старую Америку» (III, с. 298). Блок сравнивает Россию не просто с Америкой (США), а с «новой» Америкой вероятно потому, что демократия в Америке оказалась испорчена человеческим эгоизмом, расовыми предрассудками, тиранией большинства. На эти оборотные стороны американской демократии указывал Токвиль и – крайне резко и эмоционально – Пушкин. Возможно, поэтому Россия у Блока может быть только «новой» Америкой. Такая Америка перестает быть конкретным географическим понятием и превращается в понятие культурное, которое соотносится с категориями «демократия», «свобода», «независимость», «технический прогресс», «цивилизация». Америка – это не фигурально, а буквально новый мир: Новый Свет, Штаты Новой Англии, а американцы – молодой народ, отказавшийся от наследия европейской истории и культуры и устремленный в будущее. Блоковский эпитет «новая» по отношению к и так исторически и культурно новой Америке только заостряет ее внеисторичность и ризоматичность. Как и варвары-номады скифы, так и современные номады американцы – носители новой культуры протеста, «юности и свободы».

Очевидно, что образ «новой Америки» у Блока связан не только с «юностью и свободой», но и цивилизацией, воспринимаемой в данном случае позитивно. Этот новый мир имеет отчетливый техногенный характер. Блок неоднократно высказывал свое негативное отношение к цивилизации в статьях 1910-х гг. В поэме «Возмездие» он представляет цивилизацию наступающего машинного века как бездушную, немзыкальную, смертоносную: «Что ж человек? – За ревом стали, / В огне, в пороховом дыму, / Какие огненные дали / Открылись взору твоему? / О чем – машин немолчный скрежет? / Зачем – пропеллер, воя, режет / Туман холодный – и пустой?» (III, с. 306). Но у Блока есть не только отрицание цивилизации, но и попытка ее принятия. Д.Е. Максимов считает, что отрицательные высказывания Блока о цивилизации не стоит абсолютизировать, потому что «мысли о прогрессе и технической *цивилизации* не были ему чужды (следовательно, Блок не только отрицал “цивилизацию” ради “культуры”, но и признавал в “цивилизации” возможности наполниться “музыкальным” содержанием, то есть превратиться в “культуру”)» [2, с. 109]. Надежды на рождение новой «юной» культуры связаны у Блока с образом России как «новой Америки», хотя и этому образу присуща противоречивость [3, с. 329]. Идея промышленного и технического развития России привлекала Блока в 1910-е гг. Эту тему он предполагал развить в «драме о фабричном возрождении России» «Нелепый человек» (1913–1916), но этот замысел остался неосуществленным. Современники Блока впоследствии вспоминали о том, насколько важна была для Блока идея «фабричного возрождения» России. Так, Вл. Пяст рассказывал о сильном впечатлении, произведенном на Блока ссылками на стихотворение «Новая Америка» в специализированном журнале «Горнозаводское дело» (1914): «Я как раз был у Блока, когда почта принесла журнал “Горное дело”. В своей передовице первого номера этот орган ссылался на это стихотворение, густо цитируя его в доказательство необходимости осуществлять мудрые мысли поэта и скорее и интенсивнее эксплуатировать естественные богатства России. Оба мы обрадовались этому. Мы тут воочию видели силу воздействия слова, поэзии, на действительность» [4, с. 382]. П.С. Сухотин рассказывает об одной из своих бесед с Блоком на тему будущего России: «Знаете, – говорил он, – когда я подумаю и постараюсь представить себе, сколько в России богатств, сколько так называемых недр и возможностей, то почти сумасшедшая мечта создается в моей голове, мечта о том, как все эти недра задвигают машины и люди. Чем будем для мира мы – дикие скифы, русские посконные мужики! Это может быть и страшно, но – чудесно» [5, с. 88]. Показательно, что Блок, рассуждая о будущей России, не отделяет тему скифства от темы «новой Америки». Индустриальные города, заводы и фабрики в дикой степи, продуваемой со всех сторон ветром, – такой представляет Блок новую Россию и в стихотворении «Новая Америка». З.Г. Минц отмечает, что образ «новой Америки» и идеи фабричного возрождения России зародились у Блока под влиянием его

«негуманитарных» связей (через Вл. Пяста) – встречами с людьми, связанными с миром физики, математики, техники и промышленности [6, с. 687]. Также среди тех, кто оказал влияние на формирование у Блока идей промышленного развития России, исследователи называют А. Стриндберга, Н.В. Гоголя, Д.И. Менделеева (книга «Познание России», 1906), М.И. Терещенко, немецкого писателя Б. Келлермана (роман «Туннель», 1913).

Образ «новой Америки» соотносится с тектоническими мотивами «каменной песни», «промышленного угля», «угля, превращенного в алмаз», «железной руды», «белой соли». В сохранившихся набросках пьесы Блока «Нелепый человек» мотив угля доминирует: «<...> Постоянное опускание рук – все скучно и все нипочем. Потом – вдруг наоборот: кипучая деятельность. Читая словарь (!), обнаруживает уголь, копает и – счастливчик нашел пласт, ничего не зная <...>» (1913; VII, с. 251); «Самый мечтательный собирается рыть уголь. Разговоры: уголь “не промышленный”. <...> Шахты не будет. Именье продают. Инженер, заинтересовавшийся делом, находит уголь *промышленный*» (1915; VII, с. 251-252). В стихотворении «Новая Америка» уголь назван «мессией», «царем», «женихом», а Россия – «невестой»: «Черный уголь – подземный мессия, / Черный уголь – здесь царь и жених, / Но не страшен, невеста, Россия, / Голос каменных песен твоих!» (III, 269). З.Г. Минц усматривает в этих строках реминисценцию новозаветной символики «Мессии» и «невесты» и в связи с этим указывает на возможный новый сюжетный вариант блоковского «пути мира» [3, с. 329-331; 7, с. 543]. Если рассматривать образ «новой Америки» в рамках пророческого дискурса и, в частности, идей мессианизма, то звезда «новой Америки» является с Востока и подобна Вифлеемской звезде: «То над степью пустой загорелась / Мне Америки новой звезда!» (III, 270), а символика алмаза и символический ряд «уголь – алмаз» могут быть соотнесены с горящими углями и драгоценными камнями четырех животных из видения пророка Иезекиила (Иез 1: 13-28, 10: 1-9) и с драгоценными камнями, лежащими в основании и украшающими стены храма царя Соломона (1 Пар. 29:2; 2 Пар 3:6) и Небесного Иерусалима (Откр 21: 18-21).

Постоянная апелляция Блока к тектонике – «подземным недрам» в прямом и метафорическом смысле – позволяет возвести образ «новой Америки» к мифологеме Матери-Земли, сопоставить его с другими образами, обладающими материнской семантикой («страшными» и «чудесными» одновременно), и напрямую связать с мотивом рождения: «новой породы» людей (III, с. 303), «нового рода» (III, с. 596), «нового лица» России (III, с. 269). В контексте темы «новой Америки» образ будущего «нового человека» приобретает дополнительные смыслы – это рабочий человек, труженик, ремесленник, свободный от интеллигентской сентиментальности, а вместе с нею – от бездеятельности и апатичности. Определяющие черты его природы – твердая воля, мужественность и свобода. Такого «нового человека» Блок уподобляет алмазу, созревшему в подземных недрах России. За этим уподоблением скрывается анаграмматическое соответствие «Адам – адамант», к которому обращались поэты-символисты. Мотив превращения угля, «праха земного» (Быт 2: 7) в алмаз, «обычного» человека – в «нового» реализуется у Блока в прологе к поэме «Возмездие»: «Кто меч скует? – Не знавший страха. / А я беспомощен и слаб, / Как все, как вы, – лишь умный раб, / Из глины созданный и праха, – / И мир – он страшен для меня. /.../ Созрела новая порода, – / Уголь превращается в алмаз. / Он, под киркой трудолюбивой, / Восстав из недр неторопливо, / Предстанет – миру напоказ!» (III, с. 301-303).

Алмаз – драгоценнейший из всех камней – воплощение твердости, прочности, прозрачности, блеска и света (сияния), символ совершенства, величия, моральных и интеллектуальных ценностей, несокрушимой духовной силы. Символика алмаза связана с его кристаллической структурой, в свою очередь кристалл считается совершенной формой вещества. И «старшие», и «младшие» символисты обращались к мотивам кристалла, алмаза, драгоценных камней, только наделяли эти образы различными оттенками значений. Если в раннем символизме с помощью метафоры кристалла демонстрировались, недоступная, бесстрастная красота и совершенство самоценного искусства и его структурированность, то для «младших» символистов драгоценные камни – это «продукт высшего одухотворения материально-земного начала» [8, с. 43-45, 415-416; 9, с. 280]. Если «старшим» символистам связка «уголь – алмаз» представлялась оксюмором, то у «младших» двойственность углерода символи-

зироваала «нераздельное и неслиянное» единство материального и духовного миров, вещества и формы, бренности и возрождения [9, с. 280]. На сравнении угля и алмаза построена статья Вл. Соловьева «Красота в природе» (1889). Красота алмаза, несколько не свойственная его веществу, достигается за счет преломления лучей света в его кристаллах. Свет (сверхматериальное начало) как бы развеществляет алмаз, делает его призрачным, светоносным и благодаря этому прекрасным. Поэтому если поглощающий свет уголь воплощает абсолютную материальность земного начала, темноту материи, то алмаз, не отличающийся от угля химическим составом, но преломляющий свет, – полную дематериализацию, просветленную духовность и красоту [10, с. 357-358 и сл.], [9, с. 280-281, 315]. К противопоставлению угля и алмаза обращается Ф. Ницше в «Так говорил Заратустра», только он, в отличие от Соловьева, апеллирует не к прозрачности и светоносности, а к твердости кристалла и тем самым переходит из эстетической сферы в морально-этическую: «О братья мои, эту новую скрижаль воздвигаю я над вами: *будьте тверды!*» [11, с. 155-156]. Блоку были известны и статья «Красота в природе», и притча «об угле и алмазе» из «Так говорил Заратустра». По мнению исследователей, соловьевская антитеза черного «некрасивого» угля и сверкающего «прекрасного» алмаза была более близка Блоку, чем ницшевское противопоставление угольной «мягкости» и алмазной «твердости». Доказывается это предположение тем, что Блок делает акцент именно на световых характеристиках угля и алмаза. И все же не без влияния Ницше, проблема новой человеческой породы рассматривается у Блока не только через призму понятий «тьма – свет», но и «мягкость – твердость», которым в морально-этическом плане соответствует пара «сентиментальность – мужественность».

Мотив угля, превращенного в алмаз, впервые встречается у Блока в цикле «Ямбы»: «Я верю: новый век взойдет / Среди всех несчастных поколений. /.../ Так точно – черный бриллиант / Спит сном неведомым и странным <...>» («В огне и холоде тревог...», 1914, III, с. 96) и затем – в предисловии и прологе к поэме «Возмездие» (III, с. 298, 303). Черный цвет бриллианта указывает на редкость камня, а также на то, что в этом антиномичном образе объединены значения угля и алмаза, стихийно-природное и культурно-эстетическое начала: чернота, темнота материи и просветленность, упорядоченность, кристальная прозрачность духовной сферы. Равновесное соединение в едином целом материального и сверхматериального начал иллюстрирует важные для Блока мысли о 1) природе истинного искусства, выросшего из хаоса жизни и сохранившего память о нем (из хаоса – космос), 2) природе будущего «нового человека», 3) народе и его социальной роли. В данном случае важен как сам процесс трансформации тьмы в свет, материального в духовное, так и итоговая гармония «низменного» и «высокого», их «нераздельность и неслиянность».

Образ «черного бриллианта» может быть рассмотрен не только в контексте оппозиции «свет – тьма» и «мягкость – твердость», но и «верх – низ», «тайное – явное», «органическое – неорганическое», «природа – культура», «смерть – жизнь», «небо – земля» и связан с представлениями о земле как матери. Блоковский образ «черного бриллианта» полисемантичен и полигенетичен, включая отсылки к гностицизму, алхимии, масонству и розенкрейцтерству. На наш взгляд, представляется возможным соотнести «черный бриллиант» с мифологическим «черным камнем» – символом Кибелы, хтонической богини, олицетворяющей природу, Великой Матери богов и всего живущего на земле (Magna Mater), владычицы гор и лесов, в эпоху Римской империи покровительницы благосостояния городов и всего государства. Об оргиастическом культе Кибелы Блок упоминает в статье «Катилина» (1918) в связи с историей Аттиса: прекрасный юный Аттис осклапляет себя во имя Великой Богини Матери, претерпевая телесную и душевную метаморфозы (VI, с. 80-82). Блоковский «черный бриллиант» не может быть полностью отождествлен со священным «черным камнем», который является аэролитом («камнем, упавшим с неба»), но все же обладает характерными его чертами: черным цветом, конической формой (сжатое изображение горы), и самое главное – связан с вертикальной осью «земля – небо» (спуск вниз и подъем вверх) и выражает идею конечного восхождения [12, с. 320-321, 337-338]. Важно отметить, что наряду с алмазом Блок говорит о бриллианте, т.е. обработанном камне. В отличие от дикого камня, камень полированный или покрытый резьбой символизирует оформленный хаос, проявленную и обрабо-

танную *prima materia*, соединение мужского и женского, дионисийского и аполлонического начал, природы и культуры – примирение любых противоположностей, завершение и совершенство. Бриллиант становится блистательным благодаря искусной огранке, и в этом случае речь идет о проявлении мастером (художником) скрытого пра-света Матери-Земли – той *prima materia*, которая лежит в основе любой проявленности (об этом свидетельствуют и органическое происхождение бриллианта, и его черный цвет). Сравнение новой человеческой породы с алмазом и особенно черным бриллиантом, подобно сравнению с философским камнем, указывает на воплощенный в будущем идеал – духовное, душевное и физическое совершенство сверх(все)человека, владеющего истиной, способного стать над судьбой и творить возмездие («возмездья черный бриллиант», III, 438).

У Блока в записной книжке 1915 г. есть набросок отзыва о русских народных сказках, приспособленных для детского чтения, где Блок рассуждает о глубинных народных истоках жестокости. По его мнению, в «жестокости для жестокости» русских сказок скрывается творческое начало несчастного, униженного народа, его не нашедшая себе другого применения воля. Блок считает, что «жестокие» сказки, как и все народное, необходимы для воспитания будущих граждан России, потому что соприкосновение интеллигенции с народом во времена технического развития России неизбежно: «<...> Россия явно требует уже не чиновников, а граждан; а ближайшее будущее России требует граждан-техников и граждан-инженеров; а в какой мере не хватает инженерам и техникам “творческой интуиции”, нам показывает печальная действительность; а какое великое *возрождение*, т.е. *сдвиг всех сил*, нам предстоит, и до какой степени техника и художественное творчество немислимы друг без друга (*τέχνη* по-гречески – искусство), мы скоро увидим, ибо, если мы только выправимся после этого потопа, нам предстоит перенестись как на крыльях в эпоху *великого возрождения*, проходящего под знаком *мужественности и воли*» (1915) [13, с. 276]. В данном рассуждении Блок опирается на древнее толкование техники как творчества, искусства, мастерства, «искусности». Синтез техники и искусства возможен на том основании, что оба они исходят из одного истока – творчества. Благодаря юности русской культуры изначальная связь техники и искусства не потеряна; революция, возвращающая культуру к ее истокам, делает эту связь еще более актуальной.

Интенсивное развитие техники во второй половине XIX – начале XX в., открытие электричества, изобретение автомобиля, самолета, телеграфа, радио, кинематографа и др. вызвало отклик в интеллектуальной среде – писатели, философы, социологи разных школ и направлений предлагали различные трактовки самого феномена техники, ее места и роли в культуре, истории, жизни отдельного человека. В начале XX в. техника не воспринималась как нечто нейтральное, отношение к ней могло быть и негативным, и позитивным, вплоть до ее фетишизации или, напротив, хоррификации; технику помещали и в утопический, и в антиутопический контексты. Идея преобразования мира при помощи науки и техники разрабатывалась русским философом Н.Ф. Федоровым и его последователями. Представляется возможным говорить о косвенном (через Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, А. Белого, Н. Клюева) влиянии идей Федорова на Блока. Упоминание в наброске к стихотворению «Новая Америка» о «воскресении мертвых» и «непонятном нам дне Рождества» (III, 596) может быть не только апокалипсическим мотивом, но и следом воздействия федоровского учения о преодолении смерти и преобразении мира. Блок одним из первых в поэзии обратился к технике – в его стихах можно обнаружить и аэроплан, и автомобиль («мотор»), и «синема» («электрический сон наяву», II, 159). Отношение Блока к технике и техническому прогрессу было сложным и противоречивым – это, с одной стороны, технофобия, восприятие техники в духе идей кризиса культуры; с другой – «технософия», взгляд на технику как на один из вариантов софийного дела (термин М.Н. Эпштейна) [14, с. 772]. И прежде всего с «технософией» может быть соотнесен образ «новой Америки». Представления о том, что тяжелый заводской, фабричный, ремесленный труд поработает и обезличивает человека, превращая его в механизм, нашли отражение в стихотворениях разного времени на социальную тему: «Фабрика» (1903; I, 302), «Поднимались из тьмы погребов...» (1904; II, 153-154), «Работай, работай, работай...» (1907; II, 1907). В стихотворении «Авиатор» (1910-1912; III, 33-34), сцене «Промыш-

ленной выставки» в «Песне судьбы» (IV, 119-130), поэме «Возмездие», ряде статей машинная техника представлена в негативно-ироническом ключе. Напр., в предисловии к книге «Молнии искусства»: «Знаете ли вы, что каждая гайка в машине, каждый поворот винта, каждое новое завоевание техники плодит всемирную чернь?» (V, 386). Вместе с тем в поэме «Соловьиный сад» (1915) и в стихотворении «Новая Америка» «промышленный путь» и техника хоть и не безоговорочно, но все же принимаются. В блоковедении уже было указано на возможность переключки «геологического промысла» героя «Соловьиного сада» («Я ломаю слоистые скалы / В час отлива на илистом дне, /...», «Я ударил заржавленным ломом / По слоистому камню на дне...», III, 240-242) с идеей горнозаводского возрождения России, выраженной в «Новой Америке» [15, с. 87]. Связь с иными планами бытия, выявление истины, того, что скрыто – добыча угля, соли, руды, драгоценных камней из земных недр России, – такой взгляд на технику близок древнему представлению о технике как об искусстве («технэ») и современному онтологическому подходу к интерпретации техники (в 1950-е гг. взгляда на технику как одну из форм обнаружения истины придерживался М. Хайдеггер). Можно сказать, что у Блока в проекте «новой Америки» при всем понимании негативных сторон технико-машинной цивилизации, воля к практическому деланию – преобразованию и преображению России – преобладает, и в результате в технике актуализируется ее софийность. Воля к практическому деланию, стремление к устройению мира формирует душу и тело «нового человека», который у Блока назван «творцом и ремесленником» (V, 464). Очевидно, что телесное и духовное в характеристиках «нового человека» выступают в их взаимосвязи. Одним из первых образцов человека нового типа Блок называет А. Стриндберга («Памяти Августа Стриндберга», 1912). Человек «стриндбергианской породы» обладает «человеческим лицом» (V, 462), атлетическим телом, «пожатием широкой и грубой руки» (V, 468), он художник и рабочий, демократ, товарищ, в нем гармонично сочетаются мужественные и женственные черты. Так же, как и в случае с «черным бриллиантом», процесс формирования «стриндбергианской породы» изображен так: «от простейшего к сложнейшему, из грубого материала – нежнейшая духовность» (V, 463). Модель, к которой может быть возведен такой «новый человек» – «товарищ», «гражданин-техник», «гражданин-инженер» – это Homo Faber, а не Homo Humanus. В черновом наброске к стихотворению «Новая Америка» говорится о «великом счастье труда» (III, 596), а в стихотворении «В огне и холоде тревог...» о единстве труда и песни («<...> пока / В горах не запоет кирка», III, 96). Подобно древнему греку гомеровской эпохи «новый человек» не презирает труд и не знает неблагодарной работы. Он строитель, активный деятель, и его антигуманизм – это постгуманизм. Для Блока обязательное условие принятия научно-технического прогресса – его союз с прогрессом нравственным («художник и человек», V, 464) и искусством («творец и ремесленник», V, 464).

Традиционно в России все, связанное с технической цивилизацией, воспринималось как западное (немецкое, английское, американское), а значит – наносное, чуждое и даже враждебное русскому духу. Во время Первой мировой войны, когда техника представляла реальную угрозу для жизни, эти настроения усилились, и славянофилы в очередной раз заговорили о превосходстве русского духа над бездуховным германским техницизмом. В «Скифах» Блока этот конфликт отражен и заострен – противостоящая «монгольскому дикому» Востоку Западная Европа названа миром «стальных машин, где дышит интеграл» (III, 362). Тем самым спор между Востоком и Западом осмысливается помимо прочего как противостояние организма и механизма («дикой орды» и «стальной машины»). У Блока Россия, которой «внятно все», может выступить посредником между Востоком и Западом и в этом вопросе. Восточный (гармония с природой) и западный (подчинение природы человеку посредством науки и техники) типы культуры объединяются в горнозаводском деле. Т.о., у Блока в проекте промышленного возрождения России биокосмическая парадигма пересекается с техногенной, не вступая с ней в противоречие. Союз техники с природой помогает выявить мощный энергетический потенциал, скрытый в земных недрах, и осуществить идеал на земле. Идеал – это гармония индустрии и искусства, материи и духа, органического и технического, рационального и иррационального начал.

Abstract. In this paper the image of Russia is investigated in the context of dichotomy “East – West”. A. Blok considers Russia to be not exclusively East or West, but in his creative works Russia in contrast with old Europe has eastern features (poem “Scythes”) in revolution times. One more metaphorical image of Russia as “new America” was made on the basis of the western model. The project of technical revival of Russia is connected with that image.

Литература

1. Блок, А.А. Собр. соч: В 8 т. / А.А. Блок. – М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963. – Т. 8. – Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.
2. Максимов, Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д.Е. Максимов. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 528 с.
3. Минц, З.Г. Лирика Александра Блока / З.Г. Минц // Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство – СПб, 1999. – С. 12-332.
4. Пяст, Вл. Воспоминания о Блоке / Вл. Пяст // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 1 / Вступ. ст., сост., подгот. текста и комм. Вл. Орлова. – С. 364-397.
5. Сухотин, П. Памяти А.А. Блока / П. Сухотин // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 2 / Сост., подгот. текста и комм. Вл. Орлова. – С. 86-90.
6. Минц, З.Г. Переписка [Блока] с Вл. Пястом / З.Г. Минц // Александр Блок и русские писатели / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – С. 672-695.
7. Минц, З.Г. Из поэтической мифологии «третьего тома» / З.Г. Минц // Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство – СПб, 1999. – С. 543-546.
8. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве / Пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха. – СПб: Гуманитар. агентство «Акад. проект», 1999. – 512 с.
9. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Леве / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: Гуманитар. агентство «Акад. проект», 2003. – 816 с.
10. Соловьев, В.С. Красота в природе / В.С. Соловьев // Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.2. / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. – С.351-389.
11. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Сочинения: В 2 т. / Пер. с нем., сост., ред. и прим. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 5-237.
12. Генон, Р. Символы священной науки / Р. Генон / Пер. с фр. Н. Тирос. – М.: Беловодье, 2002. – 496 с.
13. Блок, А.А. Записные книжки. 1901 – 1920. / А.А. Блок. – М.: Худож. лит., 1965. – 663 с.
14. Эпштейн, М.Н. Технософия и другие «софии» / М.Н. Эпштейн // Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М.Н. Эпштейн. – М.: Нов. лит. обозр., 2004. – С. 772-787.
15. Лавров, А.В. «Соловьинный сад» А. Блока. Литературные реминисценции и параллели / А.В. Лавров // Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник IX. Памяти Д.Е. Максимова / Отв. ред. З.Г. Минц. Ред. В.И. Беззубов. – Тарту: Тартуский универ., 1989. – (Учен. зап. ТГУ, вып. 857). – С. 71-89.